

МОЯ СУББОТА - ЗОВ ДУШИ МОЕЙ

ПРОЕКТ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

Слово - раввину

Из трудов Любавичского Ребе

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА В ИЗГНАНИИ

Краткое изложение беседы

Четырнадцать лет спустя после разрушения Иерусалима, когда еврейский народ был в вавилонском изгнании, пророк Йехезкелью было явлено видение, в котором ему был показан Иерусалимский Храм.

Всевышний сказал пророку: «Сын человеческий, расскажи дому Израиля об этом Храме, и станет им совестно за грехи свои; и постигнут они устройство Храма». Ответил пророк: «Владыка мира! Мы живем в изгнании, в земле наших врагов, а Ты говоришь мне идти и сообщить Израилю вид и устройство Храма и все законы его, чтобы они их хранили и исполняли! Да разве могут они это делать? Пусть они вернуться из изгнания, и тогда я им все расскажу!» Сказал ему Всевышний: «Разве из-за того, что сыны мои в изгнании, должно прекратиться строительство Моего Дома?! Изучение написанного о нем в Торе столь же велико, как и строительство его. Скажи им, чтобы они изучали по Торе его форму и устройство, и в награду за это учение Я засчитаю им занятие изучением как занятие строительством Храма».

На первый взгляд, изучение устройства Храма и строительство Храма как таковое - это по сути две разные вещи. Ведь Храм важен именно как физическое строение (место жертвоприношений), а вышеупомянутое изучение, которое «засчитывается» Всевышним «как» строительство, подобно лишь молитве. Однако то, что Тора приравнивает одно к другому (причем сказано «Я засчитаю»), указывает на тождественность этих вещей. Слово «как» звучит здесь только потому, что физические результаты занятия изучением наступают лишь спустя какое-то время. Однако изучение устройства Храма есть не просто память о нем и не просто достойно награды, как само строительство. На самом деле, человек, занимающийся этим изучением, занимается буквально строительством Храма.

Ведь Всевышний, приказывая Йехезкелью научить евреев законам Храма, говорит: «Разве из-за того, что сыны мои в изгнании, должно прекратиться строительство Моего Дома?!» То есть, благо-

даря изучению «строительство Моего Дома» не прекращается. Идея этого заключается в том, что заповедь Торы «и построят Мне Святилище, и Я буду обитать среди них» дана на все времена. И в каждом поколении народ Израиля обязан строить Храм. Поэтому, когда по независимым от них причинам евреи не в состоянии делать это на уровне физического действия, на них, тем не менее, лежит обязанность строить Храм посредством изучения его законов и структу-

ры. Дело не просто в том, что, не имея возможности строить Храм физически, мы хотя бы изучаем его устройство в качестве духовной связи, как напоминание о нем или для того, чтобы знать, как построить его в будущем. В действительности к этому изучению самым непосредственным образом относится заповедь возведения Храма - актуальная и в настоящий момент.

Известно, что о грядущем возведении Третьего Храма существуют две точки

зрения. Согласно мнению, высказываемому в Мидраше и в книге Зогар, он «раскроется и спустится с Небес». По мнению же Рамбама (согласно сказанному в Иерусалимском Талмуде), он будет возведен руками людей - его построят Мошиах. Эти две точки зрения можно связать воедино. Описание Храма в пророчестве Йехезкелия содержит вещи «открытые и разъясненные», которые во времена Эзры были учтены при восстановлении Второго Храма и которые подробно описываются в Талмуде. Оно также содержит вещи «скрытые и неразъясненные». Те аспекты и части Храма, которые разъяснены и описаны, будут возведены руками людей, а части его из категории «неразъясненных» будут раскрыты с Небес Всевышним. Иными словами: Храм на земле будет возведен руками человека - Мошиаха, которому будет раскрыто все «неразъясненное», и в этот Храм земной «облечется» небесный Храм, что и обусловит его вечность.

В свете этого можно глубже понять, почему наше нынешнее изучение устройства Храма засчитывается Всевышним лишь «как» строительство. Ведь совершенство Третьего Храма будет определяться не возводимыми руками людей, а именно тем его уровнем, который «раскроется и спустится с Небес». Третий Храм будет вечен именно потому, что он - «построение Всевышнего». Нашему же изучению доступно пока только «разъясненное».

Из всего вышесказанного следует урок об исключительной важности изучения законов и устройства Храма. И особенно в дни трех траурных недель (предшествующих дню 9 Ава - годовщине разрушения Храма). Ибо, благодаря этому, мы во время Изгнания исполняем заповедь возведения Храма, тем самым на духовном уровне исправляя его разрушение, и приближая тот день, когда Праведный Мошиах навечно отстроит земной Храм.

Еврейская Суббота

Рав Моше ЛЕБЕЛЬ

Но делать кидуш они обязаны, так как, в общем, у них есть обязанность соблюдать законы субботы. Маленькие дети также обязаны участвовать в исполнении заповеди, требующей делать кидуш в субботу, так как это постепенно приучит их к выполнению заповеди.

По словам мудрецов, при выполнении этой заповеди надо обратить внимание на то, чтобы стакан для кидуша был целый, без изъяна. Его наполняют вином до краев (до кидуша нельзя отпивать

от вина, налитого в кидушный стакан. Если же кто-то отпил от него, надо долить вино из бутылки или добавить другую жидкость, чтобы кидушный стакан был полным.) Прежде чем наполнять бокал вином, необходимо проверить, чтобы он был чисто вымыт и ополоснут водой. А по кабале перед кидушем надо ошпарить стакан кипятком, даже если он идеально чист.

Запрещено выливать вино, оставшееся в стакане после выполнения заповеди, прямо в бутылку. Но если

из бутылки доливали вино в кидушный стакан, чтобы исправить ущерб, можно вылить оставшееся вино в бутылку.

Чтобы уберечься от проблемы «яин несах» (нееврейское вино), надо сварить вино для кидуша перед субботой, потому что запрет «яин несах» не касается вареного вина. Однако в наши дни вино, производимое на заводах, обычно пастеризуют. Некоторые мудрецы полагают, что пастеризованное вино можно считать вареным, поэтому оно не тре-

бует дополнительной варки. Однако большинство поским постановили, что пастеризованное вино требует варки, так как процесс пастеризации не изменяет количество и качество вина, следовательно, пастеризацию нельзя назвать варкой.

Если нет вина для того, чтобы сделать кидуш в субботу вечером, можно делать кидуш на хлеб. Сначала нужно сделать «нетилат ядаим» (омовение рук) и сказать благословение, как поступают обычно, прежде чем есть хлеб.

Потом нужно взять два хлеба, накрыть их салфеткой и произнести первый отрывок вечернего кидуша в субботу: «Ваехулу ... лаасот». Затем следует открыть халы, сказать благословение на хлеб «амоци», опять закрыть хлеб и произнести следующее благословение кидуша. После этого можно есть хлеб.

Если нет и хлеба, можно сказать кидуш на любую жидкость, которую принято подавать за праздничным столом в той стране, где живет человек.

Основное время выполнения заповеди Торы о кидуше - вечер субботы. А дневной кидуш принято делать в соответствии с постановлением мудрецов. Поэтому если нет

вина для того, чтобы сделать дневной кидуш, его можно сделать на другую жидкость.

Однажды спросили у рава Ицхака Зеэва Соловейчика из Бриска (Брест): «Можно ли сделать кидуш на чай, как на жидкость, которую принято подавать за праздничным столом?» Он ответил: «Есть закон, что надо выпить залпом большую часть жидкости из кидушного стакана, а горячий чай невозможно выпить залпом. Когда же чай холодный, он уже не считается чаем».

По материалам Интернета

Субботний кидуш

(Окончание)

Литературный досуг

долго пытался ей объяснить, что таких больших чемоданов, как ей нужно, не бывает, пусть возьмет два поменьше, но мама уперлась на своем. И получила, в конце концов, этот самый, огромный. Поставленный на попа, он доставал до маминого плеча. Правда, роста она была маленького.

Чемодан предназначался для груш. Мы с мамой обожаем груши. Здесь, в Гудаутах, в конце августа, был грушевый рай. Мама любила те груши, которые были на один градус от распада: они проминались под пальцами, при надкусывании истекали густым медовым соком, призывающим всех окружающих. А запах от них шел мощный, как паровозный гудок.

Наш хозяин Хута Курсуа глухо кашлял за стеной, и мамины глаза круглели от страха: у меня, десятилетней, не так давно зарубцевались очаги, и тут снова туберкулез по соседству... Этот Хута был красивый худой человек, ласковый с постояльцами и свирепый с женой. Но человеческое окружение меня мало интересовало: в тот год я впервые увидела море, и весь месяц переживала эту встречу. Днем я полоскалась в прибрежной полосе, хотя мама научила меня плавать чуть ли не в первый день, а ночью мне снилось все то же бултыхание в соленой воде, но даже еще более сладостное...

К осени мама обыкновенно впадала в хозяйственную горячку, что-то солила, сушила, варила, а на этот раз хозяйственная страсть ее воплотилась в чемодане из фанерных планок, который она заказала у рыночного продавца. Он

Паровоз, кстати, проходил между городом и пляжем, возле самого моря, и в памяти моей сохранилась эта счастливая триада детства: море, новое и молодое благодаря недавнему знакомству, поезд, идущий над пляжем, и груша, плавающая в руках. И все это в мире, где еще жива мама, и ест одну за другой груши, а потом бежит в море, чтобы смыть грушевый сок, затекший в складку между грудями, наполнявшими шерстяной американский купальник, который я донашивала в отрочестве...

Накануне отъезда мы пошли в соседский сад покупать груши. Мама заранее договорилась с хозяйкой, и та обеща-

Людмила УЛИЦКАЯ

Гудаутские груши

Рассказ

ла снять зимние груши Бера.

Мама принесла чемодан и торжественно поставила его перед хозяйкой:

- Вот. Не помнутся груши?

- Груша как камень, будет как мед. Слушай меня...

Они и вправду были как камень - зеленоватые, с тяжелыми задами и тонкими шеями.

- Бера-дюшес, никто таких груш не имеет, мой дед садовник у князя был, сам сажал, - и она сделала величественный жест в сторону сада.

В саду серьезные кавказские дети работали - снимали для нас груши. Мальчик лет четырнадцати в красной рубашке стоял на лестнице. Нежным круговым движением он отвинчивал грушу от ветки, как перегоревшую электрическую лампочку, и передавал в руки моей ровесницы, с которой мы переглядывались из-за забора весь месяц, но так и не познакомились.

Грушевая хозяйка заботливо заворачивала каждую грушу в четвертинку газеты и укладывала по одной на дно чемодана. Мы помогли.

- Вы у Курсуа живете, да? - она прекрасно знала, что мы живем у Курсуа. Но это было только начало, как в старинных сказках. - У менгрелов нельзя квартиру снимать, грязный народ, культуры не

понимает, горцы... но абхазы еще хуже, совсем дикие, как похороны у них, не поют, - воют, как шакалы... И еда у них хуже, чем сванская... сванов не знаете, и дай Бог не знать, бандиты, грабители... хуже чеченцев... - с газетным свертком с грубых руках она склонялась над чемоданом, шевеля своим грушевидным задом, - но чеченцев теперь нет, выселили всех, слава Богу, еще бы выселили армян, хорошо было, торгуют, все торгуют, богатые, и все торгуют, не могут остановиться, такой жадный народ, армяшки соленые... нет на них турок, - она вдруг озарилась улыбкой, махнула рукой, - азербайджанцы у нас есть, они совсем как турки, злые, ленивые, у нас, слава Богу, мало живут, воры все, хуже цыган... а важные какие, тыфу! Особенно бакинские азербайджанцы, злые, как собаки... Хуже собак... Я правду говорю, мамой клянусь! И армяне, которые из Баку, такие же, как азербайджанцы... А тбилисские армяне, - она сокрушенно махнула рукой, поправила фартук, натянутый на животе, - я их к себе не пускаю, лучше уж евреи... У меня в том году такие евреи жили, не приведи Бог, откуда такие берутся... хуже здешних... А грузины приезжали, ой, такую

грязь развели, все варили, жарили, две женщины из кухни не выходили, куру щиплют, перья летят во все стороны, и поют... чего поют? - Она наморщила лоб, обдумывая мысль, - имеретинцы! Что с них возьмешь? Крестьяне, да? Никакой культуры, виноград грязными ногами топчут... А мнение о себе!

Мы с мамой переглядывались. Мама сжала губы и надула щеки - умирала от смеха. Чемодан наполнился до половины, но речь хозяйки все не кончалась. Груши тоже не кончались, и не кончались кавказские народы...

Длинные серьги с красными кораллами мелко позвякивали в ушах. Мне она казалась старой - лет сорок или шестьдесят - и очень страшной: большие, в темной кожистой оправе глаза и золотые зубы.

- Что грузины? - продолжала она. - Пыль в глаза! Дым! Вай! Вай! - один пустой разговор! Пустой народ! А, что грузины? Тут аджарцы есть, в Батуми, так они - смех, а не народ! - хуже всех живут, мамалыгу одну едят, а тоже... О себе много думают!

Заполнились последние ряды. Один ряд груш она укладывала основанием вниз, следующий вниз вершинкой. Кавказские народы - аварцы, осетины, балкарцы, ингуши и другие, нам не ведомые, расставлены были по местам, по нисходящей лестнице, где каждый вновь упоминаемый был еще хуже предыдущих.

Груши кончились одновременно с народами. От земли

чемодан не отрывался. Ручка отлетела от него в первую же минуту. Выкатили из сарая шатку тележку на двух колесах, кликнули Хуту, который давно стоял у забора с видом случайного присутствия, и он помог взгромоздить чемодан, превратившийся уже в сундук.

Мама, расплачиваясь за свою алчность к грушам, претерпела с чемоданом большие мученья: пока доставляли на вокзал, втаскивали в вагон, размещали в отсеке плацкартного вагона, забитого такими же курортниками, как мы, с фруктовыми чемоданами, среди которых наш был чемодан-царь.

Он лежал на боку, занимая все пространство между нижними полками, и мама извинялась перед всеми пассажирами за неудобство, была растеряна и даже несколько заискивала.

В Москве нас встречал папа, и он тоже высказал маме все, что полагается. Двое носильщиков и папа с трудом вознесли чемодан на багажник старого «москвича», и мама тоже толкала чемодан сбоку.

Груши медленно дозревали на шкафах, завернутые в газеты на неведомом кавказском языке, и в комнате до зимы пахло грушами. Они постепенно доходили, и даже после Нового Года еще оставалось несколько красавиц.

До сих пор вкус и запах груш вызывает в памяти этот рассказ о дружбе народов. Кстати, мы так и не узнали, кто же была по национальности та женщина из Гудаут.

Мы пишем

Как Б-г решит, пусть так и будет -
Решенье я Его приму.

Ведь Он нас создал и нас любит,

И с высоты видней Ему.

Во мне души Его частица,

Я с ней живу и с ней творю.

За то, что есть и то, что будет -

За все Творца благодарю.

Яэль ЮДОВИЧ

На кухне у бабушки

СУП ИЗ ЧЕЧЕВИЦЫ

ВАМ ПОТРЕБУЕТСЯ: чечевица - 400 г., бульон - 2 л., лук репчатый - 3 шт., помидоры - 2 шт., чеснок - 4 зубчика, соль, перец, кумин - по вкусу.

Суп из чечевицы, или чечевичная похлебка, упоминается еще в книге Торы и готовится с незапамятных времен. Это очень простой в приготовлении, но необычайно питательный и вкусный суп. Чечевица на иврите называется адашим, бывает коричневая и красная. В нашем случае мы используем коричневую чечевицу.

Чечевицу перебрать и промыть. Приготовить куриный бульон. Очистить лук. Две луковицы разрезать на четвертинки, третью - мелкими кубиками. Снять кожицу с помидоров и разрезать помидоры на 4 части. Чеснок очистить и крупно порезать.

Чечевицу вместе с четвертинками лука, помидорами и чесноком положить в кипящий бульон. Поварить на медленном огне, при открытой крышке до мягкости чечевицы, примерно, 40 - 50 минут.

На сковороде растопить половину столовой ложки масла или маргарина и подрумянить, не давая подгореть, мелко нарезанный ранее лук.

В идеале суп необходимо протереть через сито, но если у вас нет желания заниматься этим, - не беда.

Заправить суп комуном (cuminum), солью, перцем. При подаче суп в тарелке посыпать жареным луком.

Эфиопские евреи

(Продолжение)

С конца XIX в. различные тексты бета Исраэль на языке геэз были опубликованы привезшими их из Эфиопии И. Халеви, Я. Файтловичем и другими исследователями (часть рукописей была переведена на разные языки). Видимо, ряд неизвестных трудов находятся в различных европейских библиотеках, а также и у самих членов общины.

Одеждой членов бета Исраэль не отличались от остального эфиопского населения, лишь священнослужители кессох (ед. число кесс) носили особый головной убор. В целом религиозные обычаи и нормы у бета Исраэль напоминали обычаи и нормы христиан, но не совпадали с ними. В обеих общинах исполнялся обряд обрезания младенцев мужского пола на восьмой день после рождения, согласно предписанию Пятикнижия. В бета Исраэль, как и в большинстве областей Африки, практиковалось и обрезание девочек. Бета Исраэль, так же как эфиопы-монофиситы, соблюдали после смерти близких семидневный период оплакивания, сопровождаемый рядом поминальных служб (тазкар). Исповедь у священнослужителя - ежегод-

ную и предсмертную - практиковали обе религиозные общины. Как и большинство эфиопов, члены бета Исраэль не употребляли в пищу свинину.

Несмотря на эти общие черты, важно подчеркнуть те аспекты, которые отличали членов общины и помогли выработать и сохранить их этническую самобытность. Члены бета Исраэль не ели сырое мясо, они соблюдали предписания Пятикнижия о «чистых» и «нечистых» животных (см. Кашрут) и об удалении седалищного нерва (так называемый гид ха-наше) из бедра млекопитающего.

Убой ритуальный (шхита) выполнял кесс. Подобно своим соседям христианам и мусульманам, бета Исраэль не употребляли еду, особенно мясную, приготовленную представителями иной конфессии. На общих праздниках пища готовилась отдельно для каждой религиозной группы. У бета Исраэль были специальные ножи для ритуального убоя животных. Обычаи общины требовали предельно сокращать контакты с представителями других религиозных групп. Те, кто нарушал эти запреты, должны

были очиститься постом и ритуальным омовением, прежде чем допускался их контакт с единоверцами.

Женщины в некоторых эфиопских группах также выполняли законы очищения в период менструации и в послеродовой период, но в бета Исраэль предписание о ритуальной чистоте (см. Чистота и нечистота ритуальные) соблюдалось особенно тщательно. Женщин изолировали в специальном строении во время месячных, а также на 40 дней после рождения мальчика и на 80 после рождения девочки. Среди членов бета Исраэль соблюдалась моногамия (см. Моногамия и полигамия). Развод разрешали редко, и лишь прелюбодеяние считалось достаточным основанием для расторжения брака. Семейная жизнь в общине обычно отличалась безупречностью. По этой причине венерические заболевания, широко распространенные в Эфиопии, среди бета Исраэль почти не наблюдались.

Алия и абсорбция эфиопских евреев. После того, как члены общины в начале XX в. познакомились с традиционными нормами иудаизма,

они проявили значительную меру готовности подчиниться их требованиям. Однако проект переселения общины в 1950-60-х гг. не нашел положительного отклика как со стороны Еврейского агентства, так и израильских властей (в частности, Министерства абсорбции). Лишь малочисленные группы репатриантов из Эфиопии стали прибывать в Израиль в 1965 г.

В 1973 г. сефардский верховный раввин Израиль О. Иосеф признал общину бета Исраэль евреями, потомками колена исчезнувшего (Дана), отвечающими требованиям Галахи. Это открыло для общины возможность алии. С 1977 г. алия эфиопских евреев возобновилась, и в 1980-е гг. число прибывающих постоянно увеличивалось (в 1980 г. - 258 человек, в 1981 г. - 647 человек, 1982 г. - 949 человек, 1983 г. - 2201 человек). Резкое ухудшение экономического положения в Эфиопии, политическая нестабильность, катастрофическая засуха, а также враждебное отношение окружающего населения поставили под угрозу само существование общины бета Исраэль.

(Окончание следует)